

О. В. Будницкий

От редактора

13-й том «Архива еврейской истории» открывается публикацией избранных глав обширных мемуаров Бориса Львовича Гершуна (1870–1954), озаглавленных им «Воспоминания русского адвоката». Автор этих строк обнаружил рукопись воспоминаний Гершуна (свыше 800 рукописных страниц!) в Бахметевском архиве русской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. Первые же страницы показали мне настолько интересными, что «пришлось» переснять рукопись в надежде когда-нибудь опубликовать текст мемуаров полностью. Борис Гершун принадлежал к «племеню» русских евреев, и его записки среди прочего очень живо воспроизводят, говоря ученым языком, процессы аккультурации и модернизации российского еврейства. Фрагменты о его еврейском детстве в Вильно включены, наряду с эпизодами профессиональной деятельности Гершуна, в настоящую публикацию. Борис Гершун входил в число выдающихся русских юристов начала XX века. Он служил в Сенате, затем был юрисконсультom многих предприятий, а также великих князей Кирилла, Андрея и Бориса Владимировичей, участвовал в ряде крупных гражданских процессов. В 1918 году Гершун был вынужден эмигрировать, сначала в Германию (1918–1933), затем во Францию (1933–1954). Его авторитет среди коллег был чрезвычайно высок: Гершун избирался председателем Совета присяжных поверенных в Петрограде, а также профессиональных союзов русских адвокатов в Германии и Франции. Его воспоминания были написаны в 1936–1939 годах во Франции. Воспоминания Б. Л. Гершуна — уникальный источник по истории русского суда,

русской адвокатуры, быта и нравов русского общества конца XIX — начала XX века. Галерея «портретов» российских адвокатов, судебных деятелей, да и просто видных фигур, от великого князя Андрея Владимировича до знаменитого авантюриста «Митьки» Рубинштейна, «портретов», очень далеких от иконописных, не имеет себе равных. Воспоминания Б. Л. Гершуна — не только исторический источник, это великолепный образец русской мемуарной прозы и весьма увлекательное чтение.

«Автобиография» Анны (Ханы) Моисеевны Шойхет (урожденной Резник, 1900–1995) — это, в отличие от воспоминаний знаменитого адвоката, мемуары так называемого «простого» человека. Как справедливо замечает автор вводной статьи к публикации Валерий Дымшиц (Санкт-Петербург),

такие мемуары встречаются реже, чем записки людей, чем-либо прославившихся, но часто гораздо точнее доносят ощущение эпохи. Из них можно не только понять, но и почувствовать, что сохраняли (семейственность, жизнестойкость и оптимизм) и с чем, не задумываясь, расставались (язык и религия) в процессе стремительной модернизации русские евреи; как происходило превращение обывателей из черты оседлости в советских евреев — жителей мегаполисов.

Анна Шойхет писала свою «Автобиографию» неспешно, с 1986 по 1989 год. Писала по просьбе внука Павла Фишеля, младшего сына ее единственной дочери Марины. Ее старший внук, Тимур Фишель (Таллин)¹, подготовил рукопись «Автобиографии» к печати, а Валерий Дымшиц снабдил подробным комментарием. Мемуаристка подробно изложила запомнившиеся ей события своей жизни, начиная с раннего детства и заканчивая возвращением в Киев после окончания Великой Отечественной войны.

История недавнего прошлого, можно сказать нашего времени, воспринимается нередко как нечто общеизвестное: раз мы это

¹ См. весьма интересные воспоминания Тимура Фишеля о его семье и собственном жизненном пути: https://www.ejc.ee/templates/articlecco_cdo/aid/1449501/jewish/-.htm (дата обращения: 24.08.2022).

знаем и помним, значит, это как бы не история. К числу таких «общеизвестных» событий относится еврейская эмиграция из СССР и затем из бывших советских республик. Хотя об этом немало написано, но детали как будто недавних событий забываются, очень часто — вольно и невольно — мифологизируются. Очень важно сохранить живую память об «общеизвестном», ибо никакие официальные документы не сохраняют реалии, детали, аромат (иногда не слишком приятный) времени. И здесь историк не должен ждать милостей от природы: исторические источники надо не только находить, их надо создавать. К примеру — просить бабушку, как это сделал Павел Фишель, записать, что помнится. Ну а в случае еврейской эмиграции необязательно обращаться к бабушке. Как в песне — по другому поводу — «обращусь я к друзьям...» Друзья, а ну-ка, вспомните, что там и как происходило, когда вы собрались покинуть страну социализма. Вот автор этих строк и обратился к друзьям — профессору Нью-Йоркского университета Геннадию Эстрайху и до недавнего времени руководителю проекта по компьютерной каталогизации периодических изданий знаменитой Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета Елене Эстрайх — как написал бы Исаак Бабель, жене вышеизложенного Геннадия. Долго ли, коротко ли, но воспоминания — весьма живые и занимательные — были написаны и предлагаются вниманию читателей этого тома.

Елена и Геннадий Эстрайх решили подать документы на выезд из СССР на пике еврейской эмиграции, в 1979 году, но их надеждам в скором времени покинуть страну не суждено было сбыться. Они оказались в категории, получившей название «отказники». Причину отказа им так никогда и не сообщили. Была такая замечательная формула: «Ваш отъезд признан нецелесообразным», причем сообщалось это заявителям устно. В отличие от многих других подавших на выезд в Израиль, Геннадию удалось сохранить место работы и даже получать повышения в должности. Елена тоже со временем устроилась на работу по специальности. В воспоминаниях, написанных четыре десятилетия спустя, отсутствует элемент «героизации». Это, скорее, картинки из жизни советской еврейской семьи с конца 1970-х годов.

Статья Ирены Владимирски (Беэр Тувия, Израиль) и Марии Кротовой (Санкт-Петербург) посвящена одному из членов клана Гинцбургов — барону Альфреду Горациевичу Гинцбургу, до настоящего времени остающемуся в тени своих знаменитых родственников. В работах, в которых упоминается имя Альфреда Гинцбурга, вышедших как в России, так и за рубежом, встречается много неточностей; в его биографии немало моментов, требующих изучения и уточнения. Многочисленная литература по печально известным событиям, произошедшим на приисках Гинцбургов весной 1912 года (Ленский расстрел), также практически не затрагивает имя Альфреда Гинцбурга, несмотря на занимаемый им пост директора-распорядителя акционерного общества «Ленское золотопромышленное товарищество». Из всей большой семьи Гинцбургов Альфред Горациевич был единственным управленцем-практиком, часто и подолгу бывавшим в далекой Олекминско-Витимской тайге, где он работал на принадлежащих Гинцбургам золотых приисках. Альфред Гинцбург сыграл большую роль в реорганизации и разработке новых подходов к постановке, ведению и техническому оснащению золотопромышленного дела применительно к российским климатическим и географическим условиям. В статье на основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот архивных документов и материалов не только уточняются отдельные моменты биографии, но и оценивается вклад Альфреда Гинцбурга в развитие золотопромышленного дела в Российской империи как управленца-практика и постоянного члена и соучредителя профессиональных организаций золото- и платинопромышленников.

Обширная статья Марии Барабановой (Москва) посвящена Савелию Златопольскому (1856/57–1885), члену Исполнительного комитета «Народной воли», незаслуженно обойденному вниманием исследователей. Статья продолжает изучение темы «евреи и русская революция» и является (хотя никакого «умысла» ни автора, ни редактора в этом нет) как будто продолжением сюжетной линии о евреях в составе «Народной воли», начатой в предыдущем томе статьей Григория Кана о члене Исполнитель-

ного комитета «Народной воли» Аароне Зунделевиче². Статья М. А. Барабановой предваряет публикацию показаний и писем Златопольского. Публикация включает полные показания Златопольского, его конспиративные записки из Петропавловской крепости на волю и три письма родным. Материал этот важен тем, что способствует не только пониманию эпохи, особенностей революционного движения, но главное — пониманию воззрений самого Златопольского, не оставившего ни дневников, ни воспоминаний. Примкнув к революционному движению еще в 1870-е годы, он во многом стоял особняком: его политические и социальные взгляды не были похожи на воззрения революционной молодежи той эпохи. По своим воззрениям он был почти отщепенцем, отрицавшим готовность крестьянства к массовому восстанию и, соответственно, смысл «хождения в народ». Полностью Златопольский отдает себя революционному движению только тогда, когда оно ставит перед собой политические задачи. Став членом народовольческой организации, признавая терроризм как метод революционной борьбы, он являлся во многом прежде всего политическим радикалом, ставящим первой задачей революционного движения достижение демократии, а не социалистические преобразования.

Завершают том две обширные публикации. Евгения Хаздан (Санкт-Петербург) публикует лагерные письма известного фольклориста Моисея (Арона-Мойше) Яковлевича Береговского (1892–1961), посвятившего свою жизнь исследованию музыкальной культуры восточноевропейских евреев. Береговский был арестован в Киеве 18 августа 1950 года, в период кампании против «безродных космополитов». Обвинения были соответствующие: «Вы подчинили работу фольклорного отдела националистическим целям, организовывали в институте экспедиции по сбору старых еврейских синагогальных песнопений и националистических преданий». Чем не преступная деятельность? Береговского приговорили к 10 годам заключения в лагерях особого режима,

² Кан Г. С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М., 2022. С. 128–229.

освободили 18 марта 1955 года по состоянию здоровья. Публикуемые письма хранятся в Кабинете рукописей Российского института истории искусств в Санкт-Петербурге.

Ирина Реброва (Берлин) публикует транскрипт интервью Бориса Львовича Каменко, записанного в 1997 году Еленой Леменевой в рамках реализации проекта Стивена Спилберга. История Бориса Каменко — история со счастливым концом, ибо он пережил Холокост. Везение же (не знаю, брать ли в этом случае слово «везение» в кавычки или нет) его заключалось в том, что Бориса в числе 30 физически крепких молодых евреев отобрали для того, чтобы закапывать могилы расстрелянных ставропольских евреев. Среди них была вся его семья: отец — ученый-биолог, доцент Ставропольского медицинского института, мать, младшая сестра и бабушка. Их расстреляли 15 августа 1942 года. Мать Бориса Каменко расстреляли несмотря на то, что она была украинкой³. Бориса Каменко оставили на некоторое время в живых для использования на тяжелых физических работах, однако ему удалось бежать из гестаповской тюрьмы. Публикация транскрипта интервью сопровождается вступительной статьей и подробным комментарием.

Обзор содержания тома завершу традиционным призывом: читайте «Архив еврейской истории»! Как этот том, который вы держите в руках, так и предыдущую дюжину.

³ См.: Заявление Б. Л. Каменко об уничтожении немецко-фашистскими оккупантами еврейского населения г. Ставрополя, 24 февраля 1943 года // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 269. Оп. 1. Д. 26. Л. 115. Доступно на сайте Федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»: <https://victims.rusarchives.ru/zayavlenie-bl-kamenko-ob-unichtozhenii-nemecko-fashistskimi-okkupantami-evreyskogo-naseleniya-g> (дата обращения: 24.08.2022).

ВОСПОМИНАНИЯ

О. В. Будницкий

Б. Л. Гершун — юрист и общественный деятель

Борис Львович Гершун (1870–1954), бесспорно, принадлежал к числу выдающихся русских юристов и общественных деятелей. Его имя, столь известное среди российских юристов начала XX века, и в особенности — среди членов русской «адвокатуры в изгнании», не на слуху у более широкой, даже просвещенной публики. Объясняется это, очевидно, тем, что Гершун был цивилистом — занимался гражданскими, а не уголовными или политическими делами, привлекающими обычно большой интерес. Он был членом партии кадетов, однако не был особенно активен в политике. Его профессиональный авторитет, так же как мнение о его человеческих качествах были весьма высоки среди коллег. Не случайно они избрали его сначала членом Совета присяжных поверенных в Петрограде, а затем его председателем. Последним председателем — Совет просуществовал год после прихода к власти большевиков и был распущен за бессмысленностью его существования в условиях фактической замены законов «революционным правосознанием». В эмиграции коллеги избрали Гершуна сначала председателем Союза русских присяжных поверенных в Германии, а затем, после его переезда во Францию, — председателем Объединения русских адвокатов в этой стране. «Воспоминания русского адвоката», написанные Гершуном в эмиграции, на мой взгляд, сопоставимы со знаменитыми мемуарами А. Ф. Кони («На жизненном пути»), а по остроте и яркости некоторых характеристик их превосходят.

Между тем из этого объемистого текста (рукопись — свыше 800 страниц убористым почерком) увидел свет лишь небольшой фрагмент¹. Воспоминания Бориса Гершуна — не только уникальный источник по истории русского суда, русской адвокатуры, быта и нравов русского общества конца XIX — начала XX века, но и весьма увлекательное чтение. Ну а галерея «портретов» российских адвокатов, судебных деятелей, да и просто видных фигур, от великого князя Андрея Владимировича, чьим юрисконсультom был Гершун, до знаменитого авантюриста «Митьки» Рубинштейна, «портретов», очень далеких от иконописных, не имеет себе равных.

Ниже — об основных вехах жизненного пути Бориса Гершуна; пунктиром — о дореволюционном периоде, ибо о многом говорится в его мемуарах, некоторые главы которых публикуются ниже, несколько подробнее — о его делах и днях в эмиграции. Разумеется, эта статья, предвещающая публикацию, не заменяет научную биографию Гершуна, которую он, на мой взгляд, вполне заслуживает.

Если говорить о понятии «русский еврей», то Гершун был, вероятно, одним из наиболее характерных представителей этого своеобразного племени. Хотя он родился (Соколки) и вырос (Вильно) в черте еврейской оседлости, он был человеком русской культуры: его семья далеко отошла от традиционного еврейства, и еще дед по отцовской линии, оптовый торговец сукном, отдал своих старших сыновей, втайне от религиозной жены, в русскую гимназию. Бедняжка думала, что дети ходят в хедер, а они переодевались в гимназические мундиры в доме знакомых и шли совсем в другое учебное заведение. Затем отец и двое дядей Бориса отправились учиться в Московский университет, на медицинский факультет. Дед со стороны матери, оптовый торговец лесом, отправлял своих детей учиться в Кенигсберг. Там София Шерешевская, будущая Гершун, окончила «средне-учебное заведение». Она говорила по-немецки и по-французски и русскому

¹ Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 134–152.

языку научилась только после замужества, однако никогда им хорошо не владела: с детьми говорила и переписывалась по-немецки².

По словам Бориса Гершуна, в его семье «не велась кошерная кухня», он не помнил родителей идущими в синагогу, «еврейские праздники, даже Йом-кипур, не отличались от будних дней, — зато праздновалось Рождество, устанавливалась елка с подарками, на Пасху появлялись на столе рядом с мацой и изюмным вином <...> кулички, пасха, ветчина». В субботу доктор Гершун, ссылаясь на срочность врачебных визитов, разъезжал по больным на извозчике так же, как и в будние дни. Домашним языком из-за матери был немецкий, в некоторые дни говорили по-французски. Детям строго запрещалось говорить на «жаргоне», то есть идише, «разговорном языке всей Вильны». В результате, живя в Вильне, Борис не знал идиша, и так никогда и не научился на нем говорить.

Отец Бориса, Лев Яковлевич Гершун (1836–1898), начавший профессиональную карьеру в качестве уездного врача в Соколках, в 1877 году получил назначение ординатором городской еврейской больницы Вильно; в 1891 году он стал старшим врачом этой больницы, с производством в статские советники. В 1888 году Борис Гершун с серебряной медалью окончил 1-ю Виленскую гимназию. В том же году он поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Для еврея, даже «из хорошей семьи», это было непросто ввиду установленной за год до этого процентной нормы для евреев. В Петербургский университет их могло быть принято не более 3 %. Помогли хлопоты отца, который все-таки был почти «штатским генералом» (чин статского советника соответствовал чину бригадира, правда, к тому времени уже упраздненному, в армии или должности вице-директора департамента или вице-губернатора в гражданской службе). Гершуна приняли в университет по приказу министра народного просвещения И. Д. Делянова — того самого, распоряжением которого

² Здесь и далее сведения, если это специально не оговорено, почерпнуты из «Воспоминаний русского адвоката» Б. Л. Гершуна.

была введена процентная норма. Окончил Гершун университет в 1894 году с дипломом 1-й степени³.

Старший брат Б. Л. Гершуна, Александр Львович Гершун (1868–1915), также выпускник Петербургского университета, но по физико-математическому факультету, был ученым-физиком и инженером, крупным специалистом в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основателем российской оптической промышленности.

После окончания университета по заключению выдающегося юриста профессора Н. Л. Дювернуа Б. Л. Гершун «был признан заслуживающим оставления при университете по кафедре гражданского права для подготовки к ученому званию». Однако юного юриста влекла практическая деятельность. Он поступил на службу в 4-й департамент Правительствующего Сената на должность помощника обер-секретаря и провел в Сенате в этом качестве 15 месяцев. Здесь Гершун проявил себя как толковый юрист и набрался опыта. Особенно он отличился при рассмотрении дела о несостоятельности сибирской купчихи Варыпаевой. Безнадёжно запутанное дело лежало в канцелярии уже 15 лет и составляло 20 томов! Гершуна освободили от всяких других обязанностей на месяц, и он сумел-таки разобраться в деле и подготовить проект сенатского решения. Первоприсутствующий оценил мастерство начинающего коллеги и предложил выдать ему награду. Обер-прокурор 4-го департамента П. П. Кобылинский назначил в качестве премии немаленькую по тем временам сумму — 300 рублей, однако заявил, по воспоминаниям Гершуна: «Но я Вас вижу насквозь: Вы здесь не останетесь, Вас, несомненно, перетянет в адвокатуру, и Вы будете правы. Получив 300 рублей, Вы немедленно удерете. Нет уж, голубчик, будете получать эту награду по 25 рублей в месяц»⁴. Однако вскоре, осенью 1895 года, сам же Кобылинский рекомендовал Гершуна своему приятелю, известному адвокату В. Н. Герарду.

³ ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1. Автобиография Б. Л. Гершуна, написанная для Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, 1934 год.

⁴ Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката. С. 136.

После недолгой службы в Сенате, а затем работы помощником В. Н. Герарда в 1899 году Гершун отправился в самостоятельное «плавание». Его карьера была блистательной. Гершун стал присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты, в 1906–1917 годах был присяжным стряпчим⁵ Санкт-Петербургского коммерческого суда. Он был юрисконсультом множества торгово-промышленных предприятий, а также великих князей Бориса и Андрея Владимировичей. К 1917 году Гершун владел 17 юрисконсульствами; входил в правления бельгийского Общества доменных печей и фабрик на Ольховой, Общества для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений «Артур Кеппель (Коппель)», Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз» и, очевидно, был небедным человеком. Гершун занимался также благотворительной деятельностью: оказывал бесплатную юридическую помощь, был казначеем Общества защиты детей от жестокого обращения. Его профессиональные и человеческие качества нашли признание у коллег: он руководил конференцией помощников присяжных поверенных, был членом Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, после Февральской революции был избран его председателем⁶.

«Момент истины» наступил для присяжных поверенных после большевистского переворота. В итоге адвокаты, по крайней мере большинство из них, решили не становиться советскими «защитниками», наличие университетского диплома у которых власть поначалу не считала обязательным. Понятно, что Гершун был несовместим с властью, упразднившей русскую присяжную адвокатуру⁷. В октябре 1918 года он уехал из Петрограда в Вильно,

⁵ Присяжный стряпчий — в Российской империи поверенный по делам частных лиц в коммерческом суде.

⁶ Гершун Борис Львович // *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 235.

⁷ Ликвидация адвокатуры была провозглашена первым советским законодательным актом о суде — Декретом о суде № 1, принятым 22 ноября 1917 года. О жизни присяжных поверенных в первый год советской власти, ставший последним годом существования адвокатуры как сословия, то есть профес-

а в конце года перебрался в Берлин, чтобы провести там следующие 15 лет своей жизни⁸.

В Берлине у Гершуна была солидная практика, которая все же не могла идти в сравнение с практикой петербургского периода. Среди его клиентов были самые разные люди: от торговцев А. Г. Айзенштадта и М. Л. Гешеля, между которыми возникла тяжба о расчетах при продаже бочек табаку, до известного издателя З. И. Гржебина⁹ и графини Брасовой, вдовы великого князя Михаила Александровича. Графиня унаследовала лес, принадлежавший некогда великому князю, а Гершун помогал ей взыскать деньги с неких немецких купцов, эксплуатировавших лес, оказавшийся в период Первой мировой войны на оккупированной германскими войсками территории¹⁰. Кроме практики Гершун занимался также и теорией — опубликовал несколько статей на юридические темы в германских специальных юридических изданиях.

Гершун не был особенно активен в эмигрантской политике, хотя входил в берлинскую группу Партии народной свободы (кадетов). Большую часть времени он уделял общественной, нежели политической деятельности, в особенности защите интересов русских беженцев и объединению (в том числе и с целью

сиональной общности, см. воспоминания Б. Л. Гершуна «Последний год Петроградской адвокатуры»: ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1в. Л. 417. См. также: *Гершун Б. Л.* Воспоминания адвоката. С. 147–152.

⁸ В 1920 году Гершун принял приглашение стать юрисконсультom русского Балтийского банка в Копенгагене. Однако уже весной 1921 года банк, в том числе по его настоянию, был ликвидирован, и Гершун вернулся в Берлин. По-видимому, он изначально не слишком верил в надежность банка, и оставил семью в Берлине (ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3).

⁹ Гершуну пришлось вести переговоры с кредиторами Гржебина и заниматься ликвидацией этого некогда крупнейшего эмигрантского издательства. См. об этом подробнее: *Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // *Дiaspora: Новые материалы.* Т. 6. Париж; СПб., 2004. С. 571–573.

¹⁰ Материалы более 400 дел, которые Гершун вел в период эмиграции в Германии, были переданы им в РЗИА и находятся сейчас в его личном фонде в ГАРФ: Ф. Р-5986.

защиты интересов беженцев) русских юристов за границей. В июне 1920 года он был инициатором, совместно с И. В. Гессеном, И. М. Рабиновичем и М. Д. Ратнером, создания Союза русских присяжных поверенных в Германии. В 1921 году Гершун был избран членом Совета русских общественных организаций в Берлине, в 1923-м — членом правления Общества помощи русским гражданам в Германии, в 1925 году был кооптирован в состав постоянного русского третейского суда в Берлине (предназначенного для урегулирования споров между русскими эмигрантами в досудебном порядке). Кроме того, он был председателем берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей, инициатором и одним из организаторов Съезда русских юристов за границей (1922), членом Союза русских евреев, германского отделения Американского фонда помощи русским литераторам и ученым, Общества друзей русской печати. По «еврейской линии» Гершун вошел также в правление Союза защиты детей русских евреев в Германии¹¹.

В эмиграции Гершун, человек явно нерелигиозный, выросший в семье, в которой «к вопросам национальным и религиозным относились без всякого интереса», пересмотрел отношение к собственному еврейству. Вскоре после окончания университета он крестился, но вовсе не ради карьеры. Это было условием женитьбы на горячо им любимой с детства кузине, которая «уже родилась православной (ее родители крестились в молодости)». Кузина была еще подростком, но в том, что он на ней женится, Борис не сомневался (в чем не ошибся), так что крестился загодя, тем паче что это облегчало профессиональную карьеру.

Можно было принять протестантство: но пастор требовал, чтобы я в течение месяца занимался у него так называемым «законом Божиим» и «готовился» к крещению. Лицемерить мне не улыбалось ради того, что я считал просто формальностью. Священник отец Слепян (сам происходивший из евреев) согласился без всяких формальностей и «обучения» выдать мне метрику о крещении.

¹¹ Серков А. И. Указ. соч. С. 235.

Очевидно, крестил Гершуна Сергей (при рождении Израиль) Слепян, популярный в то время в Петербурге священник.

Этот акт, который теперь я бы ни за что не совершил, — писал Гершун в 1936 году, — я тогда совершил почти машинально, как машинально устраняют ветку, преграждающую дорогу. Со временем — с возрастом — во мне проснулось и зрело сознание моей принадлежности к еврейству; это сознание проявилось с большей силой в эмиграции. До того я был так занят моей профессиональной работой, так захвачен сословными интересами, одно время (1904–1905) так увлечен общероссийскими проблемами, что еврейский вопрос оказался вне моих повседневных интересов. Я никогда не скрывал своего еврейства, называл себя евреем, в анкетах писал: русский подданный, национальность — еврей, вероисповедание — православное. <...> когда я попал в эмиграцию, я сбросил с себя то, что я так несознательно набросил на свою жизнь и что считал и считаю крупнейшим своим прегрешением. Я так же несознательно, как при принятии крещения, с первого дня эмиграции, не задумываясь, записал себя евреем, а жену, как она того желала, православной.

Сын и дочь Гершуна, даже не зная о решении отца, при поступлении в германский университет записали себя иудеями.

После прихода к власти нацистов Гершун уехал во Францию и обосновался в Париже. Он вел обширную переписку с коллегами, как еще остававшимися в Германии, так и перебравшимися в другие европейские страны или за океан. Пожалуй, наиболее интенсивный и содержательный эпистолярный диалог завязался у Гершуна с его младшим товарищем по адвокатскому цеху Алексеем Александровичем Гольденвейзером (1890–1979), в декабре 1937 года уехавшим в США. Откликаясь на послание Гольденвейзера, посвященное его адаптации к жизни в другой стране, Гершун писал:

Итак, Вы в третий раз строите свою жизнь. Такова наша судьба. Жить две, а то и три жизни. Если бы я был моложе,

я бы тоже оставил Европу. Здесь повсюду скверно и будущее чревато опасностями¹².

Далеко не юному Гершуну также пришлось начинать третью по счету жизнь, после российской и германской. «Старость заключается в том, — писал он в мае 1938 года, — что человек для окружающих часто умирает раньше, чем наступает его физическая кончина... И комизм заключается в том, что сошедший со сцены внутри еще считает себя актером, а сцены-то уже давно нет»¹³.

Однако «на сцене», во всяком случае эмигрантской, Гершуну еще предстояло сыграть немаловажную роль, и не одну. Во Франции он тоже довольно быстро занял видное положение в профессиональном сообществе: в 1939 году был избран товарищем (заместителем) председателя Объединения русских адвокатов во Франции. Председателем был Н. В. Тесленко, в прошлом депутат Государственной думы. В Париже Гершун стал принимать самое живое участие в работе Очага для евреев-беженцев, основанного Т. И. Левиной, а после ее эмиграции в США в 1940 году стал руководителем Очага¹⁴.

Гершун входил еще в одно эмигрантское сообщество — масонскую ложу «Свободная Россия» (достоцитимый мастер в 1939 и 1949 годах). Он принимал участие в посвящении в масоны писателя Романа Гуля, о чем тот рассказал в своих воспоминаниях:

После ритуала посвящения пошли в другую комнату разделить братскую «агапу», то есть братскую трапезу, застолье. Тут уж все братья сняли ленты и передники и уселись за

¹² Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., Париж, 25 декабря 1938 года // В движении: Русские евреи-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны / сост. и вступ. ст. О. В. Будницкого. М., 2020. С. 91.

¹³ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., Париж, 15 мая 1938 года // Там же. С. 79–80.

¹⁴ О жизни Б. Л. Гершуна во Франции см. подробнее: *Зеелер В. Ф.* Памяти хорошего человека // Русская мысль. 1954. 28 июня (№ 679). С. 4.

сервированный длинный стол. И за едой (хорошей) начался самый непринужденный, обычный разговор. И это было приятное общество культурных, интеллигентных людей¹⁵.

Это, пожалуй, главное, что можно сказать о масонах, во всяком случае об их парижском клубе. Приписываемая нередко в литературе масонам важная политическая роль, на мой взгляд, сколько-нибудь серьезного подтверждения в источниках не находит.

Вернемся, однако, к эмигрантской переписке. «Как Вам должны казаться теперь далекими наши европейские дела! Рад за Вас, что вы из этой трясины выбрались. По-моему, еще немало пройдет времени, пока здесь наладятся дела. Еще много волнений и потрясений придется пережить европейцам», — пророчески писал Гершун Гольденвейзеру в мае 1938 года¹⁶.

Впрочем, чтобы предсказать европейцам потрясения, не надо было быть пророком. Бывшие берлинцы пристально следили за происходящим в Германии. Гершун, упоминая об изменении германских законов, иронически замечал: «...там идет усердный пересмотр гражданских законов: искоренение либеральных иудомасонских правовых идей»¹⁷.

Гольденвейзер предрекал: «...нынешнее положение в центральной Европе закончится либо дипломатической победой Германии, либо всеобщей войной, которая неминуемо должна повести к всеобщему поражению, обнищанию и вырождению»¹⁸. Нельзя отказать Гольденвейзеру в проницательности в оценке ближайших перспектив Европы. Вот только сбылись оба его прогноза — и о дипломатической победе Германии, и о войне. Дипломатическая победа Германии, получившей по мюнхенскому соглашению

¹⁵ Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 212.

¹⁶ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., Париж, 15 мая 1938 года // В движении... С. 81.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ Гольденвейзер А. А. — Гершуну Б. Л., 11 августа 1938 года // В движении... С. 86.

Судетскую область, оказалась не альтернативой войне, а ступенькой к ней.

Гершун писал о Париже в дни чехословацкого (мюнхенского) кризиса:

Париж в эти дни опустел. В доме, где мы жили, остались только некоторые мужчины и прислуга. На улице видны были такси и частные автомобили, нагруженные людьми и вещами: все бежало из Парижа. Деловая жизнь остановилась. Картина незабываемая: предвкушение будущей войны. Мобилизация проходила здесь — в Париже — не особенно гладко. Люди оставались кое-где по три дня без крова и пищи. И вдруг... мир. Истерическая радость населения, считавшего войну неизбежной, в сущности начавшейся — благословения, посылаемые Чемберлену, который на несколько дней стал героем. Затем... похмелье. Сознание, что и Франция, и Англия, и главным образом Чехословакия стали жертвами блефа и шантажа. И радость омрачилась сознанием стыда и обиды. Теперь Франция не поддастся блефу, вооружается вовсю, но к войне еще далеко не готова. Политика Чемберлена была, конечно, мудра, но есть моменты, когда ум ценнее мудрости. Во Франции молодежь была за войну... А победителем вышел Гитлер, воссоздатель Великой Германии, и это так, как бы англичане и французы ни кусали бы себе пальцы.

А то, что теперь рассказывают беженцы из Германии и Австрии, так ужасно, так невероятно, что не допускаешь мысли, что это возможно...

Вот Вам бледная картина тех переживаний, которые нам выпали и выпадают на долю. И каждый день приносит какую-нибудь новую гадость с той стороны Рейна¹⁹.

Адвокатов, наряду с общими для беженцев проблемами, волновала и еще одна, специфическая: чем жить? В большинстве своем они были людьми немолодыми, даже один из самых «юных», Гольденвейзер, приближался к 50-ти. Ничего другого, кроме как занятия юриспруденцией, они не знали и не умели.

¹⁹ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 25 декабря 1938 года // Там же. С. 90–91.

Переучиваться было поздно, заниматься физическим трудом не позволяли возраст и здоровье.

И все же Гольденвейзер не терял оптимизма.

В Америке я не разочарован, — писал он М. Л. Кантору через полгода после приезда в новую страну. — Поле для наблюдения и изучения здесь громадное, да и для деятельности были бы интересные возможности, но вот только *специальность наша как нельзя менее подходит для трансплантации* (курсив мой. — О. Б.), а кроме того нужно жить и входить в жизнь годами, пока настолько с ней освоишься, что сможешь активно в ней участвовать²⁰.

Это было справедливо для любой другой новой страны. Если даже удавалось приспособиться, то выйти на прежний уровень было нелегко. Гершун писал после пяти лет жизни во Франции:

Мы с О. М.²¹ живем тихо, уединенно и скромно, одним словом, не столько живем, сколько доживаем. У меня много всякой работы, и не профессиональной, а заработки скромные. С здешним правом, обычаями и нравами больше или меньше освоился. Право неплохое, обычаи — хуже, а нравы — совсем скверные²².

Переписка юристов не исчерпывалась обсуждением профессиональных проблем, сводившихся в основном к отсутствию клиентов и, следовательно, работы и заработков. Очень любопытны рассуждения Гершуна о вышедшей в Париже в 1938 году книге воспоминаний знаменитого адвоката Оскара Грузенберга

²⁰ Гольденвейзер А. А. — Кантору М. Л., 12 июня 1938 года // Там же. С. 149. «Службы или иного постоянного заработка пока также не имею. Можно ли будет существовать здесь в качестве русского адвоката, пока еще не могу сказать», — писал он месяц спустя Гершуну (Гольденвейзер А. А. — Гершуну Б. Л., 10 июля 1939 года // Там же. С. 313).

²¹ Ольга Марковна Гершун, жена Б. Л. Гершуна.

²² Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 25 декабря 1938 года // В движении... С. 92.

«Вчера». Он писал все тому же Гольденвейзеру, тоже состоявшему с Грузенбергом в переписке:

Милюков — страха ради иудейска — напечатал о ней восторженную рецензию. Я прочел эту книгу. Лучше бы она не вышла. Очерки, посвященные воспоминаниям о делах, очень интересны, но они пропадают в автобиографии и в воспоминаниях о «великих людях», его друзьях — Короленко, Горьком, Кони. Язык — вымученный, любовь к «истинно-русским» оборотам речи и поговоркам (Кременецкий — Алданова²³), — и повсюду Оскар, Оскар и Оскар, — некуда от него спрятаться.

Как вам нравится в первых строках — определение русского языка:

«я полюбил этот удивительный язык: в ласке шелковисто-нежный, завораживающий; в книге — простой, просвечивающий до невозможности скрыть малейшую фальшь; в испытаниях борьбы — подмороженный, страстно-сдержанный»²⁴.

И в таком стиле почти вся книга. Только там, где он рассказывает о делах, защитах, муках за подзащитных, — там язык натуральнее.

Ни один настоящий русский человек не писал, и не будет писать таким русским языком.

²³ Адвокат Семен Исидорович Кременецкий — герой трилогии М. А. Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера». В предисловии к первому книжному изданию «Ключа» автор писал: «Добавлю в качестве курьеза, что мне называли пять адвокатов, с которых будто бы писан (и тоже “портретно”) Кременецкий. Скажу кратко <...> в этих указаниях нет ни одного слова правды» (Алданов М. Ключ. Берлин: изд. Книгоиздательства «Слово» и журнала «Современные записки», 1930. С. 6). В. В. Набоков говорил в одном из своих интервью 1930-х годов: «...в алдановском Семене Исидоровиче Кременецком во что бы то ни стало старались найти черты какого-нибудь известного петербургского адвоката, живущего сейчас в эмиграции. И, конечно, находили. Но Алданов слишком осторожный писатель, чтобы списывать свой портрет с живого лица. Его Кременецкий родился и жил в воображении одного только Алданова. Честь и слава писателю, герои которого кажутся людьми, живущими среди нас, нашей повседневной жизнью» ([Набоков В. В.] <Интервью, данное Андрею Седых> // Владимир Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 147).

²⁴ Грузенберг О. О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru